

Рудометкин Андрей Петрович

аспирант кафедры русского языка
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
тел.: (926) 344-26-84

СТИЛЬ ПИСАТЕЛЯ, ОТРАЖЕННЫЙ В «ЗЕРКАЛЕ» ПЕРЕВОДА

Аннотация:

Данная статья представляет категорию стиля в сопоставительной модели: оригинал → перевод → обратный перевод → оригинал. Причем первичный текст (оригинал) выступает как объект лингвистического анализа, а вторичный текст (перевод-обратный перевод) — как экспериментальная модель.

Ключевые слова:

стиль, аспект языка и дискурса, оригинал, перевод, микроскопический анализ, сопоставление, «внутренняя» точка зрения, «внешняя» точка зрения.

Rudometkin Andrey Petrovich

post-graduate student of the chair of
Russian language,
Moscow State University
tel.: (926) 344-26-84

WRITER'S STYLE OF REFLECTED IN "MIRROR" OF TRANSLATION

The summary:

The paper covers the style of the writer by the comparative analysis carried out according to the pattern: original → translation → reverse translation → original. And the initial text (original) is positioned as an object of the linguistic analysis, and the secondary text (translation-reverse translation) — as an experimental pattern.

Keywords:

style, aspect of language and discourse, original, translation, microscopic analysis, comparison, "inner" view point, "outer" view point.

Перевод художественного текста предоставляет уникальные возможности для исследования стиля оригинала. В проведенном нами исследовании стилевые характеристики романа выявляются через сопоставление текста-оригинала романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и его четырех переводов на английский язык и одного перевода на немецкий язык.

Теоретической базой исследования явилась концепция стиля как коннотативного аспекта языка и дискурса [1, т. 2] (Женетт). Согласно этой концепции стиль не является внепонятийным феноменом [2] (Балли); стиль нельзя свести и к набору значимых деталей [3] (Шпитцер) и маркированных элементов [4] (Риффатер), выделяющихся из немаркированного контекста; стиль — это неотъемлемый неуничтожимый аспект дискурса. Связь стиля и дискурса Ж. Женетт метко выразил в следующих афористичных формулах: «...не бывает дискурса без стиля, равно как и стиля без дискурса» [5, т. 2, с. 450] и «факт стиля» — это не что иное, как дискурс» [6, т. 2, с. 450–451].

Данная концепция стиля требует и соответствующего инструментария, а именно, «микроскопического» [7, т. 9, с. 120] стилистического анализа, с помощью которого можно рассмотреть те языковые микроструктуры, детали и их взаимоотношения, которые формируют стиль. Метод стилистического эксперимента А.М. Пешковского [8], очевидно, вполне соответствует обозначенному критерию. Этот метод заключается в «придумывании стилистических вариантов к тексту», при котором слово или фраза анализируемого художественного текста искусственно заменяется синонимичным словом или фразой. В конце своего анализа А.М. Пешковский делает вывод о том, что «подстановка неудачных вариантов, и, что самое главное, исследование причин их неудачности приводит нас к пониманию причин удачности текста. Вот это-то я и называю экспериментальным приемом анализа, и этот прием я считаю правой рукой аналитика» [9, с. 30–31].

Стилистический эксперимент А.М. Пешковского соотносит, по сути, два текста: первичный (оригинальный) и вторичный (производный). Из целого ряда вторичных текстов (аннотация, обзор, цитация, пародия, перевод и др.) наш выбор перевода может считаться наиболее предпочтительным, поскольку исследование одного языка с помощью его сопоставления с другим находится в русле давней традиции изучения языков, связанной с работами Ш. Балли, Л.В. Щербы, В.Г. Гака. Говоря об использовании перевода в качестве вторичного текста для исследования его первичного текста, мы имеем в виду не только и не столько сам перевод как законченный продукт, сколько обратный перевод на язык оригинала. Данные, полученные при обратном переводе, по сути, и являются уже готовыми «неудачными вариантами» (по Пешковскому), которые образуют языковую ткань вторичного текста. Таким образом, сопоставительный анализ осуществляется по схеме: Оригина́л → Перевод → Обратный перевод (на язык оригинала) → Оригина́л, — в которой первичный текст (оригинал) выступает как объект лингвистического анализа, а вторичный текст (перевод-обратный перевод) — как экспериментальная модель. Значение данного подхода проиллюстрируем на следующем примере:

ОРИГИНАЛ	ОБРАТНЫЙ ПЕРЕВОД	ПЕРЕВОД
Прежде всего объявляю, что этот юноша, Алеша, был во-все не фанатик, и, по-моему по крайней мере, даже и не мистик вовсе [10, с. 21–22].	Прежде всего, я должен объяснить, что этот молодой человек, Алеша, был не фанатик, и, по моему мнению по крайней мере, был даже не мистик [11].	First of all, I must explain that this young man, Alyosha, was not a fanatic, and, in my opinion at least, was not even a mystic [12].

Анализ выявленных особенностей

1. Перевод глагола *объявляю* (Прежде всего *объявляю*... — Прежде всего, *я должен объяснить*... / *First of all, I must explain*...).

Во-первых, показательно то, что перевод глагола *объявляю* (*я должен объяснить*) дополняет формальное отсутствие одного из компонентов предложения (местоимения *я*). В оригинале перед нами конситуативно необусловленная реализация простого предложения, которая определяется собственно грамматическим фактором: форма глагола *объявляю* (1 л. ед. ч.) указывает на формальный вид подлежащего (местоимение *я*). Следовательно, с точки зрения полезной информации местоимение в этом случае является избыточным. Однако, как известно, в русском языке, в отличие от многих других языков, типичным является как раз употребление информативного избыточного местоимения. Неупотребление же местоимения, как правило, вызывает особый стиливый эффект. Б.М. Гаспаров выделяет, по меньшей мере, четыре вида коммуникативного пространства [13, с. 303], в условиях которых данный прием (неупотребление местоимения «я» с глаголом) принимает разную стиливую окраску: 1) неформальная, разговорная речь (*Вернусь поздно; Не знаю*); 2) ораторски-торжественная, патетическая речь (*Истинно говорю вам*); 3) официальная речь радио- и телефонных коммуникаций со строго экономным, прагматически ориентированным характером (*Слышу вас хорошо; продолжаю наблюдения*); и 4) непосредственная и вместе с тем отточенная речь, характерная для эпистолярного стиля (*Обращаюсь к тебе вот по какому случаю*). Судя по данной классификации в нашем случае перформативный глагол *объявляю* участвует в создании ораторски-торжественного, приподнятого, патетического тона и, соответственно, привносит в повествование те или иные оттенки «суровой краткости, лаконической энергии, ритмической остроты, “гранитной” отточенности стиля, отсекающего всяческие избыточные “округления”».

Вернемся к переводу глагола *объявляю* — *я должен объяснить*. Значение глагола *объяснить* сводится к растолкованию, пояснению чего-либо, тогда как глагол *объявляю* относится к категории перформативов, то есть глаголов, действие которых сводится к произнесению. Согласно классификации Ю.Д. Апресяна, глагол *объявляю* относится к категории утверждения, о чем свидетельствуют его значения [14, с. 579]. Переводчик пытается компенсировать этот квант смысла при помощи наречия *должен*, но не достигает той же экспрессии. Более того, *должен* вкупе с личным местоимением *я* делают перевод эксплицитным и более повествовательным, что нивелирует экспрессию оригинала. Употребление в данном контексте перформатива, с точки зрения автора, вполне объяснимо — ведь он характеризует своего любимого героя. Чтобы избежать какой-либо двусмысленности или непонимания, здесь уместнее всего именно *объявить* со всей убедительностью, что его Алексей — это *не фанатик* и *не мистик*. В переводе этот элемент денотативного содержания утрачен.

2. Добавленная запятая (Прежде всего *объявляю*... — Прежде всего, *я должен объяснить*... / *First of all, I must explain*...).

Отсутствие запятой вызывает вопрос о статусе сочетания *прежде всего* и его роли в тексте. Оно может быть вводным или наречным. В качестве вводного сочетание *прежде всего* обозначает то же, что *во-первых, главное* [15, т. 2, с. 703], и выделяется знаками препинания, обычно запятыми. В качестве наречного оно обозначает то же, что наречия времени *сперва, вначале*. Как видим, в оригинале, ввиду отсутствия запятых, оно функционирует в качестве наречного сочетания, а в переводе — в качестве вводного. С точки зрения модальных значений и роли в тексте наречия и наречные образования обозначают признак, внешний по отношению к его носителю или сообщаемому, то есть они характеризуют его по времени, месту, условию и другим обстоятельствам. Вводные слова и сочетания слов, напротив, всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиции говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому, а также указывают на связь мыслей, последовательность изложения. Здесь уместно вспомнить, что пунктуация, в том числе сопровождающая вводные конструкции, является одной из форм обозначения интонации, выражающей субъективное отношение говорящего.

Отсюда следует, что перевод с вводным сочетанием *прежде всего* «субъективнее» оригинала. В оригинале же с наречным сочетанием *прежде всего*, судя по всему, доминирует именно внешний, объективный, последовательно-временной признак: *прежде всего* — *вначале*.

Это вполне конситуативно обусловлено. Предисловный рассказ о главном герое, в котором автор довольно пространно разъясняет *один очень странный пункт* (IX, 21) — почему Алексей представлен с первых же строк в *ряске послушника* (IX, 21), — имеет следующее патетическое начало: *Прежде всего объявляю, что этот юноша, Алеша, был вовсе не фанатик, и, по моему по крайней мере, даже и не мистик вовсе* (IX, 21). Далее автор говорит: *Заране скажу мое полное мнение...* (IX, 21), где традиционно-поэтическое *заране* лишний раз подчеркивает вступительную фазу многостраничного повествования, в котором наречное сочетание *прежде всего* выступает именно в качестве зачина, подразумевающего последующее развитие.

3. Перевод существительного *юноша* (...что этот *юноша*, Алеша... — ...что этот *молодой человек*, Алеша... / ...that this *young man*, Alyosha...).

Использование полилексемной номинации в переводе — *молодой человек/young man* — семантически, на первый взгляд, вполне точно передает оригинал, ведь *юноша* и *молодой человек* — полные синонимы. Это подтверждается словарным значением существительного *юноша* в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г.: *Молодой человек от 13 до 20 лет* [16, т. 4, с. 476], и в «Словаре русского языка» (МАС): *Лицо мужского пола в возрасте, переходном от отрочества к возмужанию; молодой человек* [17, т. 4, с. 775]. И все же между этими определениями ощущается некая разница. Прежде всего, следует отметить, что, хотя в словарях к слову *юноша* не приведено пометы, указывающей на архаичность, в современном языке оно употребляется крайне редко. В обиходной речи вместо него употребляется в основном вполне нейтральное словосочетание *молодой человек*. Примечательно, что слово *юноша* входит в число идиоглосс, характеризующих уникальный идиостиль Достоевского, которые описаны в «Словаре языка Достоевского» [18, с. 475–479]. Кстати, во всем своем творчестве писатель употребил это слово 154 раза, из которых только в романе «Братья Карамазовы» он использовал его (в различных текстоформах) 47 раз [19, с. 477]. В примечании [20, с. 479] к этому слову приведен любопытный пример из романа Достоевского «Подросток»: [Аркадий о князе Сокольском] <...> *он никогда не относился ко мне свысока, то есть вроде как бы старец к какому-нибудь подростку; напротив, весьма часто любил самого меня слушать, даже заслушивался, на разные темы, полагая, что имеет дело, хоть и с "вьюношем", как он выражался в высоком слоге (он очень хорошо знал, что надо выговаривать "юноша", а не "вьюнош"), но понимая вместе и то, что этот "вьюнош" безмерно выше его по образованию* [21, т. 8, с. 310]. Признак принадлежности к лексике высокого стиля обусловлен тем, что слово *юноша*, согласно «Этимологическому словарю» М. Фасмера, было заимствовано из церковно-славянского языка [22]. Отсюда же и признак книжности, присущий этому слову. Для сохранения моноксемной номинации, то есть формально-семантического тождества, это слово можно было перевести на английский язык как *teenager* [23] / *подросток*, однако и оно не компенсирует вышеупомянутых оттенков.

Перевод обращает внимание и на формальное и грамматическое сходство трехсложного слова *юноша* с рядом стоящим уменьшительным личным именем героя *Алеша* (тоже трехсложным), которое используется в обиходе, неформальной или дружеской обстановке и в котором примечателен уменьшительно ласкательный суффикс *-ш-* (омоним *ш* в слове *юноша*), выражающий ласковое обращение между знакомыми людьми, и благозвучие, создаваемое анафорой с аллитерациями и ассонансами: *юноша, Алеша*. Соседство и сходство этих двух слов усиливают их взаимовлияние, придавая существительному *юноша* оттенок явно неравнодушного субъективного отношения автора к герою.

Ограниченный объем статьи не позволяет нам привести другие примеры данного анализа. Однако сопоставление перевода / обратного перевода с оригиналом позволило выявить важную стилистическую характеристику оригинала: Ф.М. Достоевский характеризует положительную черту своего любимого героя весьма необычно — путем отрицания (в превосходной степени), используя при этом целый арсенал стилистических средств: лексику с чертами высокого стиля, книжность, ораторски-патетического тона и разговорности; усилительные элементы, создающие высшую степень отрицания с вытекающими из него экспрессией и выразительностью; оттенок начальной фазы повествования; лаконичность и целостность развернутого определения героя; анафоры с аллитерациями и ассонансами, выражающие доброжелательно-ласковое авторское отношение к герою; благозвучие; почти поэтический ритм предложения; отрицательные оттенки значения слова *мистик*; и повторы (в том числе по принципу «кольца» по Брику).

Все эти стилистические особенности в процессе сопоставления отразились в «зеркале» перевода. Здесь важно отметить, что мы исследуем стилистические черты оригинала, а не достоинства или недостатки перевода. Кроме того, на наш взгляд, другая («внешняя») точка зрения, представленная в языке перевода, позволяет выявить — и при этом совершенно объективно — такие стилиобразующие языковые признаки, которые почти неминуемо ускользают от вни-

мания при «внутренней» точке зрения. Взятые по отдельности эти признаки могут показаться слишком мелкими и даже незначительными. Между тем стиль как раз и создается мелкими и деликатными языковыми мазками. Перефразируя Б.Л. Пастернака, можно было сказать, что стиль – это «всесильный Бог деталей» [24, т. 1, с. 167]. Эти детали и высвечивает для нас художественный перевод.

Ссылки и примечания:

1. Женетт Ж. Стиль и значение // Женетт Ж. Фигуры. М., 1998.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М., 2001
3. Spitzer L., Etude de style, Paris, Gallimard, 1970.
4. Riffaterre M. Essais de stylistique structurale. Paris, Flammarion, 1971.
5. Женетт Ж. Указ. соч.
6. Там же.
7. Виноградов В.В. Опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник» // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. 1. Пг., 1922.
8. Пешковский А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Ars Poetica. 1927–1928. Вып. 1.
9. Там же.
10. Там же.
11. Перевод автора статьи — А.Р. Перевод намеренно буквальный, что обусловлено необходимостью максимально точной передачи формы и содержания оригинала, и в связи с чем он (перевод) лишен привычных «красот» художественности.
12. Dostoevsky F. M. The brothers Karamazov / Translated by C. Garnett. Vol. I. 1939.
13. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
14. 1. Сказать, заявить что-л., поставить в известность о чем-л., обычно неожиданном или значительном; 2. Сообщить, довести до всеобщего сведения (Словарь русского языка (МАС). Т. 2. С. 579).
15. Русская грамматика.
16. Словарь церковно-славянского и русского языка 1847 г. В 4 т. С-Пет., 1847.
17. 1. Сказать, заявить что-л., поставить в известность о чем-л., обычно неожиданном или значительном; 2. Сообщить, довести до всеобщего сведения (Словарь русского языка (МАС). Т. 2. С. 579).
18. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 2007.
19. Там же.
20. Там же.
21. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15-ти т. Л., 1991. С. 21–22.
22. Ближайшая этимология: диал. вьюгноша, ангарск., сиб. (ЖСт., 16, 2, 30). Судя по наличию ю-, заимств. из цслав.; см. Шахматов, Очерк 142; ср. ст.-слав. юноша nean...skoj, neiteroj (Остром., Зогр., Мар., Супр.), но др.-русск. уноша, часто, уже с XI в. (См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. В 4 т. Т. 4. М., 1964. С. 900).
23. Teenager — someone who is between 13 and 19 / Подросток — в возрасте от 13 до 19 лет (См.: Longman, Dictionary of Contemporary English. URL: http://www.ldoceonline.com/dictionary/young_1 (дата обращения: 20.05.2011).
24. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1989–1992.

References (transliterated) and notes:

1. Zhenett J. Stil' i znachenie // Zhenett J. Figury. M., 1998.
2. Balli S. Frantsuzskaya stilistika. M., 2001
3. Spitzer L., Etude de style, Paris, Gallimard, 1970.
4. Riffaterre M. Essais de stylistique structurale. Paris, Flammarion, 1971.
5. Zhenett J. Op. sit.
6. Ibid.
7. Vinogradov V.V. Opyt lingvisticheskogo analiza peterburgskoy poemy "Dvoynik" // F.M. Dostoevskiy. Stat'i i materialy. Collection 1. Pg., 1922.
8. Peshkovskiy A.M. Printsipy i priemy stilisticheskogo analiza i otsenki hudozhestvennoy prozy // Ars Poetica. 1927–1928. Issue 1.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Translation of the article's author - AR Translation deliberately literal, because of the need the most accurate transmission of the form and content of the original, and in connection with which he (the translation) is deprived of the usual "beauty" of artistry.
12. Dostoevsky F. M. The brothers Karamazov / Translated by C. Garnett. Vol. I. 1939.
13. Gasparov B.M. Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya. M., 1996.
14. 1. Say, declare smth., inform about smth. Usually unexpected or significant 2. Report, bring to the public (Slovar' russkogo yazyka (MAS). Vol. 2. P. 579).
15. Russkaya grammatika.
16. Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka 1847 g. V 4 t. S-Pet., 1847.
17. 1. Say, declare smth., inform about smth. Usually unexpected or significant 2. Report, bring to the public (Slovar' russkogo yazyka (MAS). Vol. 2. P. 579).
18. Slovar' yazyka Dostoevskogo. Leksicheskiy stroy idiolekta / chief ed. Y.N. Karaulov. M., 2007.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. Dostoevskiy F.M. Brat'ya Karamazovy // Dostoevskiy F.M. Sobr. soch. v 15-ti t. L., 1991. P. 21–22.
22. Nearest etymology: dial. v'yuġnosha, angarsk., sib. (ZHSt., 16, 2, 30). Sudya po nalichiyu yu-, zaimstv. iz tsslav.; sm. Shahmatov, Ocherk 142; sr. st.-slav. yunosha nean...skoj, neiteroj (Ostrom., Zoogr., Mar., Supr.), no dr.-russk. unosha, chasto, uzhe s HI v. (See: Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: transl. from German. In 4 vol. Vol. 4. M., 1964. P. 900).
23. Teenager — someone who is between 13 and 19 / Podrostok — v vozraste ot 13 do 19 let (See: Longman, Dictionary of Contemporary English. URL: http://www.ldoceonline.com/dictionary/young_1 (date of access: 20.05.2011).
24. Pasternak B.L. Sbranie sochineniy v pyati tomah. M., 1989–1992.